Н. С. Лесков

Пустоплясы

(Святочный рассказ)

На одном дорожном ночлеге по старому тракту[1] сбилось так много людей, что все места в просторной избе были заняты. Случились тут люди и конные, и пешие, и швецы, и жнецы, и удалые разносчики, и чернорабочие, которые ходили дорогу чистить. На дворе было студёно, и все, с надворья входя, лезли погреться у припечка, а потом раскладывались, где кто место застал, и начали разговаривать. Сначала поболтали про такие дела, как неурожай да подати, а потом дошли и до "судьбы божества". Стали говорить - отчего это Бог Иосифу за семь лет открыл, что в Египте "неурожай сойдёт"; а вот теперь так не делает: теперь живут люди и беды над собою не ожидают, а она тут и вот она!

И начали говорить об этом всякий по-своему, но только один кто-то с печки откликнулся и сразу всех занял; он так сказал:

- А вы думаете, что если бы нам было явлено, когда беда придёт, так разве бы мы отвели беду?

- А разумеется.

- Ну, напрасно! Мало что ли у всех в виду самого ясного, чего отвести надо, а однако не отводим.

- А что, например?

- Да вот, например, чего ещё ясней того, что бедных и несчастных людей есть великое множество, и что пока их так много, до тех пор никому спокойно жить нельзя; а ведь вот про это никто и не думает.

- Вот то-то и есть! А если б предвещение об этом было - небось бы поправились.

А тот с печи отвечает:

- Ничего б не поправились: не в предвещении дело, а в хорошем разуме. А разума-то и не слушают; ну а как предвещения придут, так они не обрадуют.

Его и стали просить рассказать про какой-нибудь такой пример предвещения; и он начал сразу сказывать.

- Я ведь уже старик, мне седьмой десяток идёт. Первый большой голод я помню за шесть лет перед тем, как наши на венгра шли[2], и вышла тогда у нас в селе удивительность.

Тут его перебили излишним вопросом: откуда он?

Рассказчик быстро, но нехотя оторвал:

- Из села Пустоплясова. Знаешь что ль?

- И не слышали.

- Ну, так услышишь, что у нас в Пустоплясах случилось-то; смотри, чтобы и у вас в своём селе чего-нибудь на такой манер не состроилось. А теперь помолчите, пока я докончу вам: моя сказка не длинная.

Стало в том у нас удивительно, что вокруг нас у всех хлеба совсем не родило, а у нас поле как-то так островком вышло задачное, - урожай Бог дал средственный. Люди плачут, а мы Бога благодарим: слава тебе, Господи! А что нам от соседей теснота придёт, о том понимать не хочем. А соседи нам все завидуют; так и говорят про нас:

---

[1] Тракт - проезжая дорога, часто почтовая

[2] ...за шесть лет перед тем, как наши на венгра шли... - т. е. в 1843 году, за шесть лет перед походом в Венгрию. Царский манифест об этом походе в поддержку австрийского абсолютизма был издан в апреле 1849 г.; в августе того же года венгерская армия капитулировала перед превосходящими русско-австрийскими силами

"Божьи любимчики: мы у Господа в наказании, а вы в милости". "И каким-де вы святителям молились и которым чудотворцам обещались?" А наши уж и чванятся, что в самом деле они в любови у Господа: убираем, жнём, копны домой возим и снопы на овины[1] сажаем да на токах молотим... Такая трескотня идёт, что люба-два! И сейчас после этого сряду пошло баловство: накололи убоины, свезли попам новины, наварили бражки, а потом мужики норовят винца попить, а бабы с утра затевают: "аль натирушков[2] натирить! аль лепёшечек спечь!" И едим да пьём во вред себе больше, чем надобно. По другим деревням вокруг мякиною и жмыхом давятся, а мы в утеху себе говорим: ведь мы не причинны в том, что у других голодно. Мы ведь им вреда на полях не делали и даже вместе с ними по весне на полях молитвовали, а вот нашу молитву Господь услыхал и нам урожай сослал, а им не пожаловал.

Всё в Его воле: Господь праведен; а мы своих соседов не покидаем и перед ними не горжаемся: мы им помогаем кусочками. А соседи-то к нам и взаправду повадились кажиден да и бесперечь, и всё идут да идут и что дальше, то больше, и стали они нам очень надокучисты. Так пришло, что не токмо не кажись на улице, а и в избе-то стало посидеть нельзя, потому что слышно, как всё тянут голодные свою скорбинку: "Б-о-ж-ь-и л-ю-б-и-м-ч-и-к-и! сотворите святую милостыньку Христа ради!" Ну, раз дашь, и два дашь, а потом уж дальше постучишь в окно да скажешь: "Бог подаст, милые! Не прогневайся!" Что же делать-то! Хорошо, что мы "Божьи любимчики", а им хоть и пять ковриг изрежь, их всё равно не накормишь всех! А когда отошлёшь его от окошка, - другая беда: самому стыдно делается себе хлеб резать... То есть ясно, как не надо яснее, Господь тебе в сердце кладёт, что надо не отсылать, а надо иначе сделать, а пока чего должно не сделаешь - нельзя и надеяться жить во спокойствии.

И надо бы, кажется, это понять, а вот однако не поняли; тогда и превозвестник пришёл, - его прогнали.

Тут по избе шепотком пронеслось:

- Слушайте, братцы, слушайте!

Запечный гость продолжал:

- Так доняли нас голодные соседи, что нам совсем стало жить нельзя, а как помочь беде - не ведаем. А у нас лесник был Федос Иванов, большой грамотник, и умел хорошо все дела разбирать. Он и стал говорить:

- А ведь это нехорошо, братцы, что мы живём как бесчувственные! Что ни суди, а живём мы все при жестокости: бедственным людям норовим корочку бросить, - нечто это добродетель есть? - а сами для себя всё ведь с затеями: то лепёшечек нам, то натирушков. Ах, не так-то совсем бы надо по-Божьи жить! Ах, по-Божьи-то надо бы нам жить теперь в строгости, чтобы себе как можно меньше известь, а больше дать бедственным. Тогда, может быть, лёгкость бы в душе осветилася, а то прямо сказать - продыханья нет! В безрассудке-то омрачение, а чуть станешь думать и в свет себя приводить - такое предстанет терзательство, что не знаешь, где легче мучиться, и готов молить: убей меня, Господи, от разу!

Федос, говорю, начитавшись был и брал ото всего к размышлению человечнему, как, то есть, что человеку показано... в обчестве... То есть, как вот один перст болит - и всё тело неспокойно. Но не нравилось это Федосово слово игрунам и забавникам во всём Пустоплясове; он, бывало, говорит:

- Вы, почкенные старички, и вы, молодой народ, на мои слова не сердитеся: мои слова - это не сам я выдумал, а от другого взял; сами думайте: эти люди, которые хотят веселиться, когда за порогом другие люди бедствуют, они напрасно так думают, будто

[1] Овин - строение с печью, предназначенное для сушки хлеба в снопах

[2] Натирушки - род лепёшек или небольших хлебцев, при изготовлении которых тесто как бы натиралось, а не месилось обычным способом

помехи не делают, - они сеют зависть и тем суть Богу противники. Теперь, братцы, надо со страдающими пострадать, а не праздновать - не вино пить да лепёшкой закусывать.

Старики за это на Федоса кривилися, а молодые ему стрекотали в ответ:

- Чего ты тут, дядя Федос, очень развякался! Что ты поп, что ли, какой непостриженный! Нам и поп таких речей не уставливал. Если нам Бог милость сослал, что нам есть что есть, то отчего нам и не радоваться? Пьём-едим тоже ведь всё в славу Божию: съедим и запьём и отойдём - перекрестимся: слава-те, Господи! А тебе-то что надобно?

Федос не сердился, а только знал, что ответить.

- Несмысленные! Что тут за слава? Никакой славы нет, что вы будете лепёшки жевать до отвалу, когда люди кожурой давятся! А вы вот такую славу вознесите Христу, чтобы видели все, что вы у него в послушании... Ведь его же есть слово к нам: "Пусть знают все, что вы мои ученики, если имеете любовь между собою!"

Но только ничего Федос не успевал, и все ему наотрез грубили, и особенно ему перечила своя его собственная внучка Маврутка, - одна только она у него и осталась от всего поколения, и он с нею с одною и жил в избе, а была она с ним несогласная: такая-то была вертеница и Федоса не слушалась, и даже озорничала с ним.

- Ты, - бывало, скажет, - очень уж стар стал, так вот и пужаешь всех и нет совсем при тебе никакой весёлости. Чего ты пристаёшь ко всем: "Бог" да "Бог"! Это мы и в церкви слышали, и крестились, и кланялись, а теперь надо весёлого!

Он ей, бывало, скажет:

- Эй, нехорошо, Мавра! Бога надо постоянно видеть перед собою, на всех местах ходящего и к тебе понятно глаголющего, что тебе хорошо, а чего ненадобе. - А девка на эти слова от себя зачастит, зачастит и всякий раз кончит тем, что:

- Ты простой мужик, а не поп, и я не хочу тебя слушаться!

А он ей:

- Я простой мужик - я в попы и не суюся, а ты не суди, кто я такой, а суди только моё слово: оно ведь идёт на добро и от жалости.

А внучка отвечает:

- Ну, ладно: в молодом-то веку не до жалости; в молодом веку надо счастье попробовать.

А Федос ей и сказал:

- Ну, что делать - испробуешь, только ведь не насытишься.

И так, где, бывало, с дедом Федосом люди ни сойдутся - сейчас все против него; а он всё толкует, что надо жить в тихости, без шума и грохота, да только никак с людьми не столкуется и с Мавруткою к празднику нелады у него по домашеству; пристаёт она:

- Дай, дедко, мучицы просеять, спечь лепёшечек!

А он этого не хочет, говорит:

- Ешь решотный[1] хлеб, от других не отличай себя.

Мавра и злится:

- Нас, - говорит, - Бог отличил, а ты морить хочешь!

Федос отвечает:

- Эх, глупая! Ещё неведомо, для чего вы отличены; может быть, и не для радости, а в поучение.

И когда раз один Маврутка так на Федоса рассердилась, так взяла да и сказала ему:

- Не дай Бог с тобой долго жить, хоть бы помер ты.

Но Федос и тут не рассердился.

- Что же такое!.. Ничего!! погоди, вот скоро похороните; может быть, потом поминать станете.

А молодые-то - и расхохоталися:

[1] Решотный хлеб - то есть испечённый из муки, просеянной сквозь решето

- Ещё, мол, чего! Тебя, старого ворчуна, вспоминать будем!

Да и старички-то, которых звал он "почкенные", не на его стороне становилися, а тоже, бывало, говорят:

- Что он презвышается - лучше всех хочет быть во всём в Пустоплясове! Довольно знаем мы все его: вместе и водку с ним пили, и с бабами песни играли - чего великатится!

Молодые это слышать и рады, и иной озорной подойдёт к нему и говорит:

- Дед Федос!

- А что тако?

- А вон что про тебя старики-то сказывают!

- Да! Ну-ка, давай, послухаем.

- Говорят... будто ты... Стыдно сказывать!

- Ну что?.. ну что? Не тебе это стыдно-то!

- Когда молодой-то был...

- У, был пакостник!.. Школы нам, братцы, не было! Бойло было, а школы не было.

- Говорят, ты солдатке в половень гостинцы носил!

- Да и хуже того, братцы мои, делывал. Слава Богу, многое уже позабылося... Видно, Бог простил, а вот... людям-то всё ещё помнится. Не живите, братцы, как я прожил, живите по-лучшему: чтоб худого про вас людям вспоминать было нечего.

А мы, раз от раза больше всё сшибаючись, попали, братцы, перед святками[1] в такое бесстыжество, что мало нам стало натирухов да лепёшек, а захотели мы завести забавы и игрища. Сговорилися мы, потаймя от своих стариков, нарядиться как можно чуднее, медведями да чертями, а девки - цыганками, и махнуть за реку на постоялый двор шутки шутить. А Федос как-то узнал про это и пошёл ворчать:

- Ах вы, - говорит, - бесстыжие! Это вы мимо голодных-то, дразнить их пойдёте, что ли, с песнями? Слушай, Мавра! Нет тебе моего позволения!

Мы все её у Федоса отпрашиваем:

- Пусти, мол, её, Федос Иванович, что тебе её век томить!

А он отвечает:

- Пошли вы, пустошни![2] Какое в этом утомление, чтобы не пустить человека из себя дурака строить!

- Ну, да ты, мол, уж всегда такой: ото всех все премудрости требуешь!

- Не премудрости, - говорит, - а требую, что Господь велит, - на ближние разумения: ближний в скорбях, а ты не попрыгивай.

- Да разве ближнему-то хуже от этого?

- А разумеется, - не вводи его в искушение, а в себе не погубляй доброту ума.

- Ну, вот, мол, ты опять всё про вумственность! Это надокучило! Небось, когда молод был сам, так не рассуживал, а играл, как и прочие.

- Ну, и что же такое, - отвечает дед Федос. - Я ведь уже не раз сознавался вам, что в молодых годах я много худого делал, так неужели же и вам теперь должен тоже советовать делать худое, а не доброе! Эх, неразумные! С пьяным-то, чай, ведь надо говорить не тогда, когда он пьян, а когда выспится. Молодой я пьян был всякой хмелиною, а теперь, слава Богу, повыспался. А если бы я был человек не грешный, а праведный, так я бы и говорил-то с вами совсем на другой манер: я бы вам, может, прямо сказал: Бог это вам запрещает, и может за это придти на вас наказание!

Тут за это слово все на Федоса поднялись.

- Нет, нет! - закричали: - что ты, как ворон, всё каркаешь! Это всё ты сам повыдумывал! Веселье и в церквах поминается. Давыд-царь и играл, и плясал, и на свадьбе-то мало ли вина было попито. Ты своего не уставляй, - это нам не запретное.

---

[1] Святки (то есть "святые дни") - 12 праздничных дней от Рождества до Крещения

[2] Пустошни - пустышки, пустые люди

Если бы похотел Господь, чтобы поворотить народ на другую путь, он бы не тебя послал, а особого посла-благовестника.

Федос им желал внушить, что не нам судить, какого посла куда посылает Бог, а что слово Господне - духовное и через кого оно доходит, через того всё равно и засеменяется: кто в Божьих смыслах говорит, того и послушайся, а нарочных послов не жди. Нарочный-то, бывает, так придёт, что и не поймёшь его.

Ну, а всё же хоть и все с дедом спорили, а в открытость супротив его делать стыдилися, потому что - когда вспомянется нам то, что старики про половень говорили, мы Федоса будто и не уважаем, а потом вздумаем, что он давно уже человек справедливый стал, а те "почкенные"-то, всё еще вокруг половня ходят - нам Федоса и совестно. Грешник-то он, правда, что грешник был, да ведь он отстоялся уж и повернул себя на хорошее! Своё-то нам справить хочется, а его всё-таки стыдно. И стали мы с своими намерениями крыться и сделали уговор вечером на Рожествин день собираться все в ригу и ждать друг дружку в угле, в колосе, а потом идти всей гурьбой переряженным к дворнику. А мы знали, что у дворника праздник как следует: быка залобанили, трёх свиней зарезали и две бочки браги наварено. Пойдём, мол, налопаемся, а на обратном пути девки пусть себе где знают хоронятся.

Такие зашли затеи хорошие!

Пошли у нас хлопоты: разные мы одежи припасаем да прячем в потайных местах. Боимся только, чтобы не подсмотрели за нами соседи неимущие да наши похоронки не украли бы.

Мы им до сочельника[1] всё подавали кусочки, а под сочельник бабы и девки сказали им:

- Слушайте, вы, неимущие! Вы чтобы завтра не сметь приходить сюда, потому что мы завтра будем сами в печках мыться и топорами лавки скресть.

Завтра нам не до вас. Обходитесь как знаете.

Маврутка захотела свои уборы вынесть в ригу, когда дед Федос в лес пойдёт, и вот, когда всё, что надо было, у себя в избе отмыла и отскребла, да поглядела в окно, а на улице, видит, - метель и сиверка, так что дышать трудно. Маврутка думает: "Дай скорей сомчу, а то дед воротится!" И только что отворила дверь, как сдушило её сиверкой, а перед самым её лицом на жерновом камне у порожка нищенское дитя стоит, и какое-то будто особенное: облик нежный, а одёжи на нём только одна рваная свиточка и в той на обоих плечах дыры, соломкой заправлены, будто крылышки сломаны да в соломку завёрнуты и тут же приткнуты.

Маврутка на него осердилася.

- Чего тебе! - говорит, - для чего в такой день пришёл! Ишь ты, нет на вас пропасти!

А дитя стоит и на неё большими очами смотрит.

Девка говорит:

- Что же ты бельма выпучил! Прочь пошёл!

А он и ещё стоит.

Маврутка его поворотила и сунула:

- Пошёл в болото!

А сама побежала, и никакого ей беспокоя на душе не было, потому что ведь сказано всем им было, чтобы не ходить в этот день - чего же таскается!

Прибежала Мавра в ригу да прямо в дальний угол и там в сухом колосе всё своё убранье и закопала, а когда восклонилася, чтобы назад идти - видит, что этот лупоглазый ребёнок в воротах стоит.

---

[1] Сочельник - вечер накануне Рождества Христова

Маврутка на него опалилася.

- Ты, шелудивый, - говорит, - подслежаешь меня, чтобы скрасть моё доброе! Так я отучу тебя! - Да и швырнула в него тяжёлый цеп, а цеп-то такой был, что дитя убить сразу мог, да Бог дал - она промахнулася, и с того ещё больше осердилась, и погналася за ним. А он не то за угол забежал, не то со страху в какой-нибудь овин нырнул, только Мавра не нашла его и домой пошла, и поспешает, чтобы придти прежде, чем дед Федос воротится из лесу, а на самое на неё стал страх нападать, будто как какая-то беда впереди её стоит или позади вслед за ней гонится.

И всё чем она шибче бежит, тем сильнее в ней дух занимается, а тут ещё видит, что у них на заваленке будто кто-то сидит...

Девка-ровечница с ведром шла и спрашивает:

- Что у тебя нога что ли подвихнулася?

Та отвечает:

- Видно.

- А что это такое там у нас под окном на заваленке?

- Это твой дед Федос сидит...

- У тебя, может быть, курья слепота в глазах?

- Чего ещё! Ярко его вижу, вон он руки в рукавицах на костыль положил, а недром носит. Тяжело его удушье бьёт.

- А робёнка лупоглазого не видишь там?

- Лупоглазое дитя-то ноне по всему селу ходило, а теперь его нетути...

А Маврутка ей говорит, что она сейчас лупоглазое дитя видела и что он подсмотрел, где она свой убор закопала.

- Теперь, - говорит, - то и думаю, что он, стылый, откопает да и выкрадет.

- Пойди перепрячь скорей!

- И то сбегаю!

А сама чует, что теперь уже ей в риге было бы боязно.

И тут Мавра с дедом опять не в лад сделала, так что он сказал ей:

- Ты, должно быть, задумала что-нибудь на своём поставить. Смотри, беды б не вышло!

Она отвечает:

- Не удержишь меня!

- Чего силом держать... и ненадобно... А тебе, слышь, чего же там понравилось?.. Назад-то пойдёте, ребята чтоб вас не обидели.

- Закаркал, закаркал опять! Никого не боимся мы, а там праздник как следует, - там били бычка и трёх свиней, и с солодом брага варена...

- Вона что наготовлено исступления! И пьяно, и убоисто...

- А тебе и свиней-то жаль!

- Воробья-то мне и того-то жаль, и о его-то головёнке ведь есть вышнее усмотрение...

- О воробьиной головке-то!

- Да.

- Усмотрение!

- Да!

- Тьфу!

Мавра в раскат громко плюнула.

Дед сказал:

- Чего ж плюёшься?

- На слова твои плюнула.

- На мои-то наплюй, - не груби только Хозяину[1].

- Он мне и ненадобен.

- Вона как!

- Разумеется!.. Пусть его нелюбым коням гривы мнёт.

- Что городишь-то, неразумная! Я тебе говорю про Того, Кому мы все работать должны.

- Ну, а я не разумею и не хочу.

- Что это? - работать-то?

- Да.

- Поработаешь. Не все ведь вольною волей работают, - другие неволею. И ты поработаешь.

Мавра через гнев просмеялася и говорит:

- Полно тебе, дед! В самом деле, видно, правда, что ты с ума сошёл!

А дед посмотрел и ответил ей:

- Господь с тобой, умная! - и сам на печь полез, а она схватила под полу его фонарь со свечой и побежала в ригу свой наряд перепрятывать.

А в риге-то уже темно, и страх на неё тут так и налетел со всех сторон вместе с ужастью: так её и за плечо берёт, и ноги ей путает. Думает: "дай скорей огонь зажгу - смелей станет". Чиркнула спичкою раз и два - что-то у самого лица будто пролетело. Она зажгла фонарь и перекрестилась, а только зашла в угол к колосу, как вдруг с одной стороны к ней пташка, а с другой другая, - точно не хотят допустить её!

И видит она, что это ей не кажется, а взаправду есть: откуда-то слетели воробушки и пали на колос в свет и сидят-глядят на неё натопорщившись...

"Давай скорее выхвачу да и убегу", - думает Мавра и стала скорей руками колос разворашивать, а там под рукой у неё что-то двигнулось и закопалося... Она - цап посильней, а ей откуда ни спади ещё воробей, и трепещется, и чирикает... "Тьфу, мол, что тебе надобно? Проклятый ты!" Взяла его да и сорвала ему головёночку, а сама не заметила, как с сердцем в злости фонарь бросила и от него враз солома вся всполыхнула; а оттудова-то, из кучи-то - что вы скажете! - восстаёт оное дитя лупоглазое и на челушке у него росит кровь.

Тут уж Мавра забыла всё и бросилась бежать, а огонь потёк с бурею в повсеместности и истлил за единый час всё, чем мы жили и куражились...

И стало нам хуже всех тех, которые докучали нам, потому что не только у нас весь хлеб погорел, а и жить-то не в чем было, и пошли мы все к своим нищим проситься пожить у них до тёплых дней.

А дед-то Федос на пожаре опёкся весь и вставать не стал; ну, а всё ладил в ту же стать и говорил другим с утешением:

- Ничего, - говорит, - хорошо всё от Господа посылается. Вот как жили мы в Божьих в любимчиках - совсем, было, мы позабылись, - хотели всё справлять свои дурости, а теперь Господь опять нас наставит на лучшее.

Так и помер с тем, - с этой верой-то!

А какое это было дитя, и откудова, и куда оно в пожар делося – так никогда потом и не дозналися, а только стали говорить, будто это был ангел и за нечувствительность нашу к нему мы будто были наказаны.

- Всё равно, - говорил Федос, - кто бы ни был он, - бедное дитя всегда "Божий посол": через него Господь наше сердце пробует... Вы все стерегитеся, потому что с каждым ведь такой посол может встретиться!

---

[1] ...не груби только Хозяину. - Дед Федос, произносящий эти слова, подразумевает под Хозяином Бога, а его внучка думает о домовом ("нелюбым коням гривы мнёт")